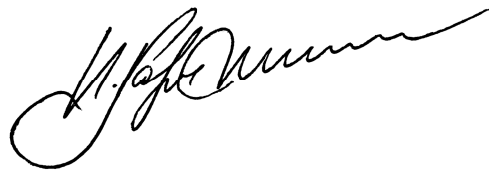

Учреждение Российской академии наук
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

На правах рукописи

Ладыженский Игорь Михайлович

**ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ
И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУКОПИСНЫХ КНИГ
ТИПОГРАФСКОГО СОБРАНИЯ РГАДА № 165, 166, 167**

Специальность 10.02.01 — «Русский язык»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА
2011

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
Государственного образовательного учреждения
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
и в отделе исторической лексикографии
и исторической грамматики русского языка
Учреждения Российской академии наук
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Вадим Борисович Крысько

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Алексей Алексеевич Гиппиус
кандидат филологических наук
Анна Юрьевна Козлова

Ведущая организация: кафедра русского языка
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Защита диссертации состоится «21» апреля 2011 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.008.01 при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Автореферат разослан « » марта 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б. Л. Иомдин

Общая характеристика работы

Актуальность данного исследования определяется несколькими обстоятельствами. Монографическое лингвистическое описание книжных памятников — весьма традиционный аспект изучения письменного наследия Древней Руси. Однако и на сегодняшний день число не введенных в научный оборот или малоизученных рукописных книг древнерусского периода значительно превышает количество исследованных. Комплексное лингвистическое описание отдельных рукописей должно являться неременным условием дальнейшего расширения и углубления наших знаний об истории русского языка. В настоящее время в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН ведется работа по исследованию и изданию древнерусского Пролога, и расширение круга привлекаемых к исследованию рукописей Пролога позволит более детально представить историю его бытования на Руси. Уточнение датировки и локализации рукописных книг, чрезвычайно важное в связи с вопросами истории отдельных литературных текстов и распространения книжной культуры на территории Древней Руси, приобретает особое значение на фоне работы над Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг XIV в.

Объектом диссертационного исследования являются три рукописных пергаменных кодекса: Прологи Рукописного отделения собрания Библиотеки Московской синодальной типографии РГАДА № 165, 166, 167 (далее — Т165, Т166, Т167; в тексте диссертации – Тип. 165, Тип. 166, Тип. 167).

Как было установлено В. В. Калугиным [1992], рукописи Т165, Т167 отражают деятельность одной книгописной мастерской. Пролог Т166 имеет один общий с Т167 почерк (явно ученический), что позволяет нам объединить в исследовании данные памятники, сблизить их датировку и локализацию. В связи с вопросами истории древнерусского Пролога рукописи упоминались в работах архиеп. Сергия (Спасского) [1997, 1: 321], Е. А. Фет [1977: 92], Л. П. Жуковской [1983: табл. 1], С. А. Давыдовой [1999: 67], Л. В. Прокопенко [2009]. Т167 привлекался в качестве дополнительного (псковского) источника в диссертации Е. В. Горской [2002]. Однако комплексному монографическому описанию кодексы не подвергались.

Рукописи Т165, Т167 в каталоге ЦГАДА [1988: 236–240] датируются второй половиной XIV в., однако А. А. Турилов предположил, что кодексы были созданы только во второй четверти XV в. (запись в листе использования). А. А. Покровский [1916: 258–259] из-за отсутствия записей счетчика и ярлыков хранения в Прологах Т165 и Т167 не решился сделать какие-либо выводы о происхождении данных памятников. Т. В. Ильина [1978: 83, 145] рассматривает их в ряду псковско-новгородских, но никак это положение не обосновывает. В. В. Калугин [1992: 273–287] на основании некоторых особенностей орфографии предположил псковское происхождение кодексов.

В ходе исследовательской работы с рукописями Типографского собрания РГАДА нам удалось установить связь рукописных книг Т165 и Т167 с Прологом Т166 (их объединяет один из почерков — писец I, см. с. 9–10, 12). Т166 в каталоге ЦГАДА [1988: 231–233] датируется серединой XIV в. А. А. Покровский [1916: 258–259] на основании имени счетчика (Степан Ананьин) пришел к выводу о том, что книга поступила на Московский печатный двор в 1679 г. из Пскова. Составители каталога ЦГАДА полагают, что на ярлыке, фрагмент которого сохранился на

внутренней стороне верхней доски переплета, был упомянут псковский Никитский монастырь.

Во всех трех рукописных книгах легко вычлениаются почерки основных (старших) книгописцев-мастеров и писцов, чья работа носит явно ученический характер. Это обстоятельство делает тем более интересным и актуальным исследование этих памятников, так как позволяет затронуть малоизученные аспекты древнерусской книжной культуры — формирование профессиональных книгописных навыков древнерусских писцов, формирование орфографической традиции. Вероятно, в 20–30-е гг. XV в. с Прологами Т165, Т167 работал реставратор. Нам удалось установить личность реставратора — им является дьякон церкви Архангела Михаила во Пскове Даниил, переписавший в 1425 г. Пролог на сентябрьскую половину года (Синодальное собрание ГИМ № 839, далее — С839; в тексте диссертации — Син. 839). Пролог С839 давно введен в научный оборот, однако сама личность профессионального писца-каллиграфа Даниила не привлекала внимания исследователей. В нашей работе С839 используется как дополнительный источник.

Предметом исследования является взаимосвязанная деятельность коллективов писцов, работавших над кодексами Т165 и Т167, Т166, их каллиграфические и лингвистические навыки, а также работа реставратора, особенности диалектов писцов, церковнославянский книжный узус, отраженный в тексте.

Новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые данные книжные памятники комплексно анализируются с лингвистической точки зрения, при этом специально рассматривается деятельность скриптория, всех переписчиков Т165, Т167 и Т166 с выявлением и учетом уровня их квалификации и индивидуального опыта.

Целью работы является палеографическое и лингвистическое описание Прологов, которое предполагает: 1) рассмотрение коллективной работы книгописцев над рукописями, анализ их профессиональных навыков, знаний, умений; 2) анализ особенностей орфографического и грамматического узуса, на который опираются начинающие и профессиональные книжники; 3) выявление особенностей говора (говоров) писцов, работавших над книгами; 4) уточнение времени и места создания памятников.

Поставленная цель предполагает решение комплекса конкретных задач:

1) на палеографическом уровне: а) выявить общие и индивидуальные особенности почерков писцов Т165, Т167 и Т166; б) определить место кодексов в графической и орфографической традиции Древней Руси; в) описать совместную деятельность коллективов писцов в процессе работы над книгами, определить роль каждого переписчика, уровень его квалификации; г) описать работу реставратора над Т165 и Т167, уточнить время и место реставрации книг;

2) на орфографическом уровне: а) выявить общие и индивидуальные орфографические навыки писцов, степень их зависимости от орфографии антиграфов; б) выявить и проанализировать региональные орфографические особенности, представленные в тексте Прологов; в) выделить элементы последовательной орфографической техники, определить индивидуальные орфографические предпочтения писцов;

3) на языковом уровне: а) определить основные фонетические особенности диалектов писцов; б) рассмотреть и проанализировать некоторые элементы мор-

фологической системы книжного языка (прежде всего вариативность отдельных форм и возможные отклонения в сторону живых говоров писцов); в) по возможности рассмотреть непосредственно связанный с орфографией книжный орфоэпический узус, на который опирались писцы.

Сформулированные цели и задачи определяют некоторые ограничения при отборе материалов исследования. Так, при описании фонетических особенностей Прологов в первую очередь нас будут интересовать регионально маркированные явления, т. е. те, что позволяют судить о диалектной принадлежности писцов. При рассмотрении морфологии текста прежде всего будут анализироваться те элементы системы, в которых представлены колебания и отклонения от церковнославянского книжного узуса. Кроме того, будет рассмотрена морфологическая система, представленная в тексте основных переписчиков, поскольку их лингвистические навыки характеризуются наибольшей самостоятельностью.

Основными научными методами исследования являются описательно-сопоставительный, интерпретационный и метод количественного анализа.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в работе на основании выявленных палеографических и лингвистических особенностей решается вопрос о датировке и локализации Прологов Т165, Т167 и Т166, и это позволяет определить их место в ряду источников по истории русского языка; на материале текста основного писца Т165 и Т167 анализируется техника употребления графем *ъ* и *ь* во второй половине XIV в., а также расширяются материалы по вопросу ассимилятивного смягчения согласных, что позволяет уточнить хронологию и особенности этого фонетического процесса в отношении некоторых групп согласных.

Результаты исследования могут найти применение при дальнейшем изучении истории русского языка, книжной церковнославянской традиции, орфографической и орфоэпической нормы, при анализе деятельности скрипториев и атрибуции памятников древней письменности, а также при исследовании Пролога как литературного памятника. Это определяет практическую значимость работы.

Структура работы: диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

В первой главе излагаются исходные (базовые) теоретические положения, а именно: основные аспекты лингвистического изучения древнерусского рукописного наследия, принципы датировки и локализации письменных памятников, основные (известные) сведения об истории и текстологии древнерусского Пролога.

Во второй главе дается палеографическое описание исследуемых рукописных книг. Специально рассматривается работа над кодексами реставратора XV в.

В третьей главе анализируется орфография Прологов Т165 и Т167 с точки зрения отражения в ней особенностей антиграфов. Делаются выводы о количестве оригиналов, с которых книги списывались.

Четвертая глава посвящена употреблению еров писцами Т165, Т167 и Т166: смешению *ъ* и *ь* с *о* и *е* в тексте одних (недостаточно квалифицированных) писцов и упорядоченной орфографической технике, представленной в тексте других книжников.

В пятой главе анализируются фонетические особенности кодексов, а также решается вопрос их локализации.

В шестой главе разбираются некоторые аспекты морфологии текста основных писцов рассматриваемых Прологов.

В **Заключении** формулируются общие выводы исследования.

Приложение 1 включает состав чтений древнерусского Пролога, содержащихся в рассматриваемых списках. В **Приложении 2** приводятся иллюстрации, необходимые для атрибуции почерков писца *I* (общего для кодексов T167 и T166) и реставратора (*F*).

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина и Отдела исторической лексикографии и исторической грамматики русского языка Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН, а также были представлены на конференциях:

— XXV Пушкинские чтения. А. С. Пушкин и Россия: Язык — Литература — Культура — Методика. Москва, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. 24–25 ноября 2005 года.

— Международная научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 15–18 мая 2006 г.

— Международная научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 15–18 мая 2007 г.

Положения, выносимые на защиту:

— Исследуемые Прологи были созданы в одной скриптории двумя коллективами писцов, среди которых были профессиональные книжники и начинающие книгописцы. При этом T166 отражает принципиально иной (в сравнении с T165 и T167) тип взаимодействия писцов. Если в T165 и T167 участие нескольких переписчиков по крайней мере отчасти было вызвано стремлением ускорить процесс создания книг, то T166 явно отражает уроки книжного письма, когда за работой профессионального переписчика наблюдают начинающие, время от времени сменяя его для выполнения каллиграфических упражнений.

— В 20–30-е гг. XV в. Прологи T165 и T167 были отреставрированы во Пскове профессиональным книжником-каллиграфом дьяконом Даниилом. Причиной реставрации послужили исходная дефектность кодекса T165 и ущерб, нанесенный Прологу T167.

— Кодексы T165 и T167 были переписаны с трех антиграфов — двух Прологов пространной редакции на сентябрьскую половину года, отражающих различные орфографические традиции (и лишенных при этом каких-либо ярких региональных особенностей), а также Пролога краткой редакции на мартовскую половину года новгородского происхождения.

— В отношении употребления еров — графем, во второй половине XIV в. практически лишенных фонетического значения, — в текстах разных писцов представлены различные явления: эффекты, свойственные бытовому письму (писцы *A, C, E, H, I*), а также строго упорядоченная (графически обусловленная) орфографическая техника писца *B*.

— Употребление неэтимологических еров в тексте основного писца T165 и T167 свидетельствует о том, что ассимилятивное смягчение согласных в XIV в. было широко представлено в некоторых северо-восточных говорах древнерусского языка.

— Морфологические особенности исследуемых Прологов отражают консервативность книжного грамматического узуса, характеризующегося преимущественно покорным следованием церковнославянской норме.

— Языковые особенности Прологов T165, T167 и T166 не соответствуют представлению об их псковско-новгородском происхождении. Кодексы, судя по всему, были созданы во второй половине XIV в. на территории северо-восточной Руси (возможно, в Москве).

Основное содержание работы

Глава I. Исходные теоретические положения. В разделе 1.1 рассматриваются проблемы лингвистического описания древнерусских рукописей. Церковнославянские письменные памятники могут изучаться с разными целями. Прежде всего, поскольку богослужебные книги составляют основной корпус сохранившихся текстов, именно они являются главными источниками исторической грамматики и исторической диалектологии. Во-вторых, книжные тексты являются основным источником изучения истории русского литературного языка. В-третьих, мы должны учитывать и собственно исторический, историко-литературный и текстологический интерес к древним рукописям. При анализе древних текстов необходимо учитывать целый комплекс факторов, затрудняющих однозначную интерпретацию представленных в тексте языковых явлений (таких как возможное влияние антиграфа, какой-либо «чужой» орфографической школы, отражение на письме орфоэпической традиции и пр.), так как только в этом случае можно быть уверенным в объективности полученных выводов. Таким образом, монографическое лингвистическое описание древних рукописей должно быть многоаспектным, поскольку в зависимости от времени создания, региона, числа писцов и их квалификации различной может быть и извлеченная из источника лингвистическая информация. Однако, несомненно, любой дошедший до наших дней письменный источник заслуживает самого пристального внимания.

Раздел 1.2 посвящен принципам датировки и локализации письменных памятников. Недатированные рукописные книги традиционного содержания датируются, как правило, на основании палеографических и лингвистических данных. Однако палеографические методы датировки позволяют датировать рукописи с точностью лишь до полувека. Кроме того, без учета собственно лингвистической информации и такая датировка бывает не всегда возможной. Так, нередко при датировании книжных памятников раннедревнерусского периода учитывается отражение / неотражение в тексте процесса падения редуцированных.

При датировании пергаменных рукописей второй половины XIV — XV в. важно учитывать возможное отражение следов второго южнославянского влияния. Исследования М. Г. Гальченко [2001а; 2001б] показывают, что второе южнославянское влияние протекало неравномерно и графико-орфографические инновации прежде всего (в конце XIV в.) проявились в рукописях, созданных в Москве и Лисицком монастыре Новгорода, в начале XV в. они появляются в тверских книгах, тогда

как псковские памятники, последовательно отражающие явления второго южнославянского влияния, датируются лишь серединой XV в.

Место создания неподписанных рукописей, как правило, устанавливается на основании лингвистических данных. Ключом к определению региональной принадлежности рукописи являются ее графико-орфографические особенности. Соответствие системы, представленной в анализируемом тексте, известным системам надежно локализованных памятников позволяет с высокой долей вероятности определить принадлежность рукописи к тому или иному диалектному региону.

В разделе 1.3 излагаются основные сведения об истории и текстологии древнерусского Пролога. Пролог представляет собой сборник кратких житий и поучений, расположенных в календарном порядке. Большинство дошедших до нас Прологов полугодовые, на сентябрьскую и мартовскую половины года. Проложные сказания характеризуется краткостью и простотой изложения. В настоящее время принято говорить о бытовании в Древней Руси краткой и пространной редакций Пролога (ранее использовались порядковые обозначения редакций: первая и вторая), им противопоставлен стишной Пролог, переведенный в XIV в. в Сербии и сравнительно мало распространенный на Руси.

Пролог — один из наиболее популярных в Древней Руси литературных памятников («своеобразная православная энциклопедия» [Фет 1987: 376]) и при этом один из наиболее сложных в текстологическом плане. Е. А. Фет насчитывает около трех тысяч сохранившихся списков различных рукописных Прологов. Количество списков, а также значительный объем Пролога всегда являлись главным препятствием для комплексного научного изучения данного памятника. Однако благодаря работам таких исследователей, как архиеп. Сергей, Л. П. Жуковская, Е. А. Фет, С. А. Давыдова, Л. В. Прокопенко, О. В. Лосева, в настоящее время прояснены многие факты истории и текстологии Пролога. Установлены и уточнены редакции (а также соотношение редакций) древнерусского Пролога, определены греческие оригиналы житий, источники учительной части. В рамках нашего исследования важным является наблюдение О. В. Лосевой [2009: 128] над особенностями списков различных редакций Пролога: «Если практически все списки Прологов краткой редакции XIII–XIV веков написаны в новгородско-псковской земле, то среди ранних списков пространной редакцией многие не новгородского происхождения. Например, язык Прилуцкого Пролога и Прологов ГИМ Син. № 244, 245, 246, 247, Усп. № 3 перг., РНБ Погод. № 59 не отражает каких-либо черт новгородского или псковского диалектов».

Глава II. Палеографическое описание Прологов. Раздел 2.1. посвящен Прологам Т165 и Т167. Своим содержанием эти книги дополняют друг друга (Т165 содержит чтения на октябрь–декабрь, Т167 — на январь–март), состав писцов однороден; судя по всему, книги создавались в одно время как «комплект». Чтения (исходные) на октябрь–февраль относятся к пространной редакции древнерусского Пролога. Мартовские чтения соответствуют краткой редакции Пролога с тропарями и литургическими замечаниями. Пролог Т165 содержит 97 листов; в тексте множество утрат, в том числе отсутствуют начало и конец. Т167 также дошел до нас без начала и конца, со значительным числом утрат, от переплета сохранилась только верхняя крышка. В настоящее время кодекс содержит 108 листов.

Кроме инициалов и заголовков в рукописях отсутствуют какие-либо украшения. В обоих кодексах сохранилось четыре заголовка к месячным чтениям: к ноябрю (Т165, 36а) и декабрю (Т165, 84а), а также к февралю (Т167, 43а) и марту (Т167, 94а). В Т167 заголовки февраля и марта представляют собой чернильный контур, закрашенный киноварью. По-видимому, контур выполнялся самими писцами. Инициалы и заголовки в Прологах Т165, Т167 писались как самими переписчиками (контур) в процессе (или после) написания текста (простые инициалы, имеющие чернильный контур), так и отдельным мастером после заполнения листов текстом (плетеные и простые инициалы с киноварным контуром и подкраской или без нее). Мы не нашли в рукописях никаких примет, позволяющих предположить, что рубрикатор — один из писцов.

Границы почерков были определены В. В. Калугиным [1992], в его статье работа книгописцев отражена в виде таблицы, которую мы полностью воспроизводим. Наши уточнения к таблице даны курсивом.

Писцы	Т165	Т167
Писец А	1а–35г	94а–97б; 99а–108г
Писец В	36а–66г	1а–23г
Писец С	67а–83г	85а–93в; 44в, 46в
Писец D	75г	–
Писец Е	84а–97б	30а–41г
Писец F (реставратор)	Л. 97б–г; инициалы на 2в (М), 24б (М), 30а (М), 30б (Сѣли), 34а (М)); заголовок к ноябр. чтениям на 36а	24а–29г; 41г–42г; 46в–г
Писец G	–	41г; 43а–44в (верхние 6,5 строк), 44г–46в
Писец H	–	47а–84г
Писец I	–	97в–98г
Писец J	–	102а

Набор графем, используемых писцами, стандартен для второй половины XIV в., нет Ѱ, ѱ; ѕ (а) употребляется только в числовом значении; также преимущественно для выражения числового значения служат Ѡ и ѡ (в редких случаях эти графемы появляются в именах); і, как правило, пишется в конце строки и в именах. Графема є (в значении ю) присутствует в орфографии большинства писцов; при этом начертание ее сильно варьируется (от є, временами почти не отличающегося от є, у писца В, до є, наклоненного влево с длинным, вытянутым вверх язычком, у писца H). Наряду с w в той же функции могут встречаться о (о широкое) и особые по начертанию о: с ресничками внутри кольца (писцы А, С, H, I), с двумя горизонтальными линиями (G) и о с крестом внутри (С, G). Буква љ пишется только как љ и і. Из диакритических знаков обычными являются точка, две точки и знак спиритуса (~), все они ставятся над неприкрытыми гласными. Распределение графем Ѡ и ѡ, ѣ и ѥ строго упорядочено: Ѡ и ѣ пишутся после гласных и в начале слов, а по-

сле согласных — соответственно *ч* и *ж*. При этом *ж* не может писаться после шипящих и *ц* (в данном случае пишется *ж*).

Особенности начертаний букв соответствуют эпохе позднейшего русского устава: буква *ж* имеет очень маленькую головку; перекладыны *на*, *ке*, *ю* косые и расположены вверху строки, петли *еров*, *ъ* и *в* у большинства писцов набухшие; *ч* пишется в виде расщепа с маленькой ножкой.

Наиболее квалифицированным книгописцем является писец *В*. Его почерк наиболее устойчив и изящен. При этом буква *ж*, в отличие от других почерков, всегда имеет выраженную головку, иногда достигающую 1/3 от размера всей буквы; буква *ч* изображается в виде расщепа, который не опускается ниже середины ножки; часто встречающаяся буква *е* мало отличается от обычной *е*. Писец *В* очень скуп (в отличие от других) использует надстрочные знаки — кроме титла и покрытия очень редко используется знак спиритуса над буквами *н* и *о* широкое. Явно ученический характер носят работы писцов *Г*, *И*, *Ж*. Писцом *Ж* переписаны две строки. Его почерк неумел и содержит разнородные элементы: *ж* крупное с крупной головкой, *ъ* вписан в строку, петля *ъ* чрезвычайно крупна (во всю строку). Писец *Г* переписал несколько листов (см. таблицу). Его почерк крайне небрежен, толщина линий не меняется в зависимости от направления пера. Для характеристики писца любопытна следующая деталь: он не использует простое титло, а только титло с выносными буквами (или покрытие). В устойчивых сокращениях типа *бъ*, *оць* писец «выносит» точку и рисует покрытие (*оць* Т167, 45г, *бъ* Т167, 46а, *стаа* Т167, 45в). Писец *И* переписал 1,5 листа. Вероятно, он сам выполнил инициал *Т* (*Тии*) на 97в. Важно отметить, что он не использует графему *е* и не знает букву *з* (об этом мы можем судить по написанию: мазимиана Т167, 97в). Этот почерк является общим для Прологов Т167 и Т166. Писцы *А*, *С*, *Е* и *Н* переписали значительные фрагменты текста. Однако не вызывает сомнения тот факт, что и они не являются профессиональными книжниками. На это указывает внешняя небрежность письма, усиливающаяся время от времени. Из палеографических данных на недостаточную квалифицированность указывает изменчивость начертаний определенных графем. Орфографическая техника этих писцов сильно зависела от орфографии антиграфов.

Отдельно в диссертации рассматривается работа реставратора (2.1.5.). Причиной реставрации послужили исходная «дефектность» рукописи Т165 (чтения на декабрь не были дописаны) и ущерб, нанесенный Прологу Т167: были утрачены последний лист тетради III, последующая тетрадь и первые три листа тетради V; кроме того, были утрачены последний лист тетради VI, листы, заканчивающие чтения на январь, и, вероятно, лист, следовавший за тетрадь VII. Утраченные листы были отрезаны — во всех случаях сохранились следы от ножа; надо полагать, утраченная тетрадь также была удалена.

Переплеты рукописей идентичны. При этом Т167 переплетался дважды, и второе переплетение, несомненно, связано с деятельностью реставратора. Для обоснования этого прокомментируем проделанную им работу: 1) после листа 23 была вставлена тетрадь из шести листов (лл. 24–29), восполняющая утрату чтений

на 16–22 января; 2) на столбце 41г был выскоблен текст после Слова «еже не осудити никогоже о всяком деле» и начаты чтения на 31 января; чтения на январь дописаны были на последующем, прикрепленном к тетради, листе; 3) на листе 46в–г реставратор также по выскобленному тексту написал «Поучение на Сретение Господне» — заканчивалось оно на последующем, вставленном им и впоследствии утраченном листе.

Первоначально Пролог Т165 заканчивался памятью преп. Феодоры (30 декабря) на столбце 97б. Реставратор там же начинает писать «Слово о празднословии», но дописывал он его, как и чтения на 31 декабря, вероятно, на прикрепленных (и впоследствии утраченных) листах. Остальная проделанная им над Т165 работа сводится к следующему: были дописаны некоторые пропущенные инициалы (на листах 2в (М), 24б (М), 30а (М), 30б (Стьи), 34а (М)), а также пропущенный заголовок к ноябрьским чтениям на столбце 36а.

По всем внешним признакам (качество пергамена, чернил, каллиграфичность почерка) реставратор — профессиональный книжник.

Нами была установлена идентичность почерка реставратора и переписчика рукописи Синодального собрания ГИМ № 839. Рукописная книга С839 представляет собой краткую редакцию Пролога на сентябрьскую половину года. Благодаря исследованию А. А. Покровского [1916: 364–365] известно, что Пролог был привезен из Пскова в 1679 г. В 1788 г. рукопись была передана Патриаршей (Синодальной) библиотеке. Из записи писца на 171б–в следует, что книга была заказана игуменом церкви Св. Петра (Середкина [Сироткина] монастыря) Григорием и старостой (этой же церкви) Харитоном Пукшиничем. Упоминание Середкина монастыря позволяет точно установить место создания Пролога — Псков. Писец Даниил (Данило) называет себя дьяконом церкви Святого Михаила (Архангела), т. е. это священнослужитель, который одновременно являлся писцом-ремесленником, изготавливавшим книги на заказ. Для атрибуции мы соотнесли комплекс примет, учитывая технику начертания каждой отдельной буквы, употребление знаков препинания и знаков диакритики, варьирование начертаний букв (и надстрочных), устойчивые сокращения с выносными буквами, лигатурные написания букв в конце строки. Кроме того, мы сравнили технику разлиновки тетрадей, хотя она в меньшей степени может быть индивидуальна.

Прологи Т165, Т167 реставрировались не из-за ветхости, поэтому мы не можем предполагать, что изготовлены они были задолго до реставрации (этому противоречат и палеографические данные). При этом, учитывая стоимость пергаменных книг в XIV–XV вв., сложно предположить, что ущерб Прологу Т167 был причинен в ближайшее после изготовления время. Книги реставрировались не позднее второй четверти XV в., следовательно, нет достаточных оснований для поздней датировки исходного состава кодексов. Первоначальная датировка рукописей в каталоге ЦГАДА кажется нам наиболее вероятной. Так как датировка памятников тесным образом связана с проблемой их локализации, к этому вопросу мы вернемся после анализа языковых особенностей текста.

2.2. Пергаменный кодекс Типографского собрания РГАДА № 166 представляет собой Пролог второй редакции на декабрь–февраль. В настоящий момент рукопись содержит 182 листа. В каталоге ЦГАДА Пролог датирован серединой XIV в. На Московский печатный двор книга поступила в 1679 г. из Пскова [По-

кровский 1916: 258–259]. Книга реставрировалась и не сохранила первичного переплета. Нынешний переплет совпадает, вероятно, со временем добавления бумажных листов (первая четверть XVI в.) и представляет собой доски в коже с тиснением, крепление шнуровое. Ряд признаков сближают этот памятник с Прологами T165, T167: качество пергамена, техника изготовления и разлиновки тетрадей, художественная манера исполнения инициалов, а также инвентарь графем и особенности их начертаний, имеющие значение с точки зрения абсолютной хронологии появления графических инноваций (единственное отличие связано с употреблением графемы *ε*: в T166 эта буква исключительно редка — пять примеров на всю книгу). Кодекс делится на две части: первая содержит чтения на декабрь (2 об.–47г); вторая — чтения на январь и февраль (48в–182г, окончания февральских чтений утрачены). Такому делению соответствует и исходная сигнатура тетрадей. Большая часть декабря переписана 3-м писцом (первую тетрадь переписал 1-й писец). Вторая часть почти полностью переписана 1-м писцом. При этом в рукописи выделяется по меньшей мере девять почерков. Распределение их чрезвычайно сложно и интересно.

Писец *K* переписал большую часть текста: лл. 3–7 полностью; лл. 48–182 (начиная с 103а работа этого переписчика неоднократно прерывалась другими писцами);

I: 8а (16 строк); 28в–29а (до *зѣи* на 9-й строке); 32в (со слова *върою* на 18-й строке) – 33г (до слова *въдою*, заканчивающегося на 6-й строке); 34а–г;

L: 8а (с 17-й строки)–28б; 29а (с 9-й строки)–31г; 35а–42г; 43а (с 7-й строки) – 47г;

M: 32а–32в (до: ...ною [ражже|ною] на 18-й строке); 33г (со слов: овы-мечемь [так!] — на 6-й строке); 43а (6 строк);

N: 103а (строки 24–25 — до *поно* (в слове *поношенье*) на 25-й строке);

O: 104а (18 строк); 111б; 112б (с 3-й строки) – 112г; 113а (с *антинь* (слова *костантинь*) на 5-й строке); 113б (с 23-й строки) – 113в; 124а (с 8-й строки)–124в (по 11-ю строку); 124в (с 16-й строки) – 124г (по 21-ю строку); 126а–126г; 127а (с 18-й строки) – 127б; 127г; 129б (с 7-й строки) – 129в (по 24-ю строку); 130а (с 14-й строки); 130б (с 6-й строки) – 130г (по 20-ю строку); 131а (со 2-й строки по 24-ю); 131г (с 16-й строки по 23-ю);

P: 105а (с 16-й строки) – 105г (до *се* на 21-й строке); 129а (с 6-й по 9-ю строку); почерк довольно изящен, едва заметно наклонен влево;

Q: 121в (с 25-й строки); 121г (с 6-й по 15-ю строку);

R: 122б (с 8-й строки) – 122в; 123а (с 30-й строки); 123в;

S: 135а (с 5-й по 15-ю строку);

T: 167а (с 9-й строки) – 167г.

Пролог T166 отражает совершенно иной (в сравнении с T165 и T167) тип взаимодействия писцов. Смена писцов в процессе работы над книгой отражает различные этапы овладения каллиграфическими навыками. Перед нами явно уроки книжного письма, когда за работой профессионального переписчика наблюдают начинающие, время от времени сменяя его для выполнения каллиграфических упражнений. Только писцы *K* и *L* являются квалифицированными книжниками. Остальные не были профессионалами, им доверялись незначительные фрагменты текста, которые они, вероятно, переписывали под наблюдением основного писца

(учителя). Каллиграфическая техника всех писцов чтений на январь–февраль однородна (при различиях в написаниях нескольких отдельных графем). Все писцы второй части используют одни надстрочные знаки, точку пишут внизу строки (такой однородности нет среди писцов Прологов Т165 и Т167), в то время как писцы *I, L, M*, участвовавшие в переписывании первой части книги, пишут точку на верхнем уровне строки. Почти не используется писцами графема *є*. Такая однородность, вероятно, обусловлена тем, что важным ориентиром для неопытных книгописцев являлась каллиграфическая и орфографическая техника профессионального писца, руководившего их работой.

То обстоятельство, что в Прологах Т166 и Т167 имеется общий почерк, разумеется, вынуждает нас пересмотреть вопрос датировки этих рукописей. Мы полагаем, что создание данных рукописных книг не должен разделять значительный промежуток времени. Кодексы Т165, Т167 последовательно отражают все особенности позднейшего русского устава (следов второго южнославянского влияния нет), их орфография также типична для второй половины XIV в., поэтому и рукопись Т166, как мы полагаем, должна датироваться именно этим периодом.

Глава III. Проблема антиграфов Прологов Тип. 165 и Тип. 167. Усвоение орфографических правил в средневековье происходило в процессе обучения в скриптории. Норма во многом определялась тем корпусом текстов, которые переписал писец. Естественно в таком случае ожидать, что менее квалифицированный писец (переписавший незначительное число текстов) в большей мере оказывается зависимым от орфографии антиграфа, чем писец профессиональный, доверяющий собственному опыту. В Прологе Т167 не вызывает сомнения инородность мартовских чтений. Судя по всему, они переписывались с архаичного списка краткой редакции Пролога, содержащего тропари и литургические замечания. При этом текст мартовских чтений характеризуется значительным числом примеров смешения *ц* и *ч*, неупорядоченным употреблением *ъ* и существенно отличной от других частей текста Прологов традицией употребления *є*.

Анализ орфографии Прологов Т165 и Т167 (сравнение разных фрагментов, переписанных одним писцом: писцами *C, E*, а также *A*, переписавшим чтения на октябрь в Т165 и на март в Т167) позволил выделить несколько пар признаков (примет), характеризующих орфографию антиграфов. Это: 1) употребление / отсутствие *ч* и *ъ* после шипящих (в том числе *ц*); 2) различие / неразличие на письме *Д. мн.* и *Тв. ед.* существительных, написание *-мь* в окончании *М. ед. полных прилагательных, причастий и местоимений, нетематических глаголов наст. вр. 1 л. ед. ч. и т. п.*, а также употребление только флексий на *-ть* в 3 л. наст. вр. и смешение *ъ* и *ь* в данных позициях; 3) наличие / отсутствие написаний типа *иманем*, т. е. смешения *є* и *ѧ* в корне в косвенных падежах существительных на *-ма* и словах, производных от них; 4) написание слова *монастырь* как *манастырь* или *монастырь*.

Первый антиграф (*A-I*) характеризовался написанием после шипящих только *ю*; последовательным различием *Тв. ед.* и *Д. мн.* существительных муж. и ср. рода, написанием *-мь* в *М. ед.* прилагательных, причастий, местоимений; употреблением флексий на *-ть* в 3 л. наст. вр. глаголов; написанием только *є* в корне су-

ществительных на *-ма* в косвенных падежах и производных; написанием *манастырь*. Второй антиграф (А-II) характеризовался противоположным набором признаков. Выделение двух антиграфов, разумеется, условно, в действительности им могли соответствовать как две книги, так и две группы источников.

Особого внимания заслуживает текст писца *В*: его орфографическая техника вполне самостоятельна и потому не должна соответствовать орфографии антиграфа, но так как в Т165 писец *С* сменяет его на полуслове, у нас нет оснований считать, что при этом менялись антиграфы. Сложнее обстоит дело с Т167, так как фрагмент исходного текста, на котором состоялась смена писцов (*В* и *Е*), был утрачен.

Результаты анализа можно представить в виде таблицы:

Месяц	Т165 Антиграф	Месяц	Т167 Антиграф
Октябрь	А-II (<i>A</i>)	Январь	А-I (<i>B, E, G</i>)
Ноябрь	А-I (<i>B, C, D</i>)	Февраль	А-II (<i>G</i>); А-I (<i>H</i>): 3–5 фев.; А-II (<i>H</i>): 5–29 фев.
Декабрь	А-II (<i>E</i>); А-I (<i>E</i>): 29, 30 дек.	Март	Пролог I редакции (<i>A, I, J</i>)

Глава IV. Некоторые особенности употребления еров писцами Прологов Тип. 165 и Тип. 167. В тексте некоторых писцов отражены графико-орфографические эффекты, связываемые в последние десятилетия благодаря работам А. А. Зализняка с бытовой письменностью (этому вопросу посвящен раздел 4.1). Некоторые аспекты описания и интерпретации этого явления в работах [Зализняк 1986; 2002] различаются. При этом, на наш взгляд, именно первая работа точнее отражает проблему овладения бытовыми системами письма и их функционирования, хотя и здесь мы не вполне можем согласиться с точкой зрения А. А. Зализняка по поводу генезиса данного графического явления. Ученый считает, что неполноразличительные графические системы со смешением *ъ*, *ь* и *о*, *е* сложились под влиянием особого церковного произношения, предполагавшего тождество в рамках книжной орфоэпической системы графем *ъ* и *о*, *ь* и *е*. Однако эта концепция (об особом книжном произношении еров), впервые высказанная А. А. Шахматовым, развитая Н. Н. Дурново и дополненная в наши дни Б. А. Успенским, никогда не была общепризнанной. Мы полагаем, что эффекты, свойственные бытовому письму в раннедревнерусский период, сложились под влиянием южнославянской орфографии, допускающей факультативное употребление в определенных позициях *ъ* и *о*, *ь* и *е* (либо просто отражающей вокализацию сильных редуцированных, что не соответствовало состоянию восточнославянских диалектов этого периода). Именно подобные графические эффекты должны были сформировать представление о возможной дублетности графем *о* и *ъ*, *е* и *ь*. Однако после падения редуцированных на восточнославянской почве сложились новые предпосылки для существования неполноразличительных графических систем со смешением *ъ* и *о*, *ь* и *е*, связанные с традиционным написанием еров в позициях прояснившихся редуцированных. Иными словами, представления о возможной дублетности *ъ* и *о*, *ь* и *е* изначально сложились в условиях, когда буквы, соответст-

вующие гласным полного образования, могли писаться там, где в речи восточных славян звучали редуцированные звуки, тогда как после утраты фонем <ъ> и <ь> этим представлениям способствовало то, что буквы ъ и ь писались там, где звучали гласные [о] и [е].

Примеры смешения графем ъ, ь с о, е присутствуют у большинства переписчиков исходного состава Прологов — *A, C, E, H, I*. У писцов *A* и *E* подобные примеры крайне редки и являются скорее исключениями (около 20 надежных случаев у писца *A* и 8 — у писца *E*). Текст, переписанный писцом *I*, незначителен по объему, однако здесь это явление довольно частотно (правда, в большинстве случаев это написание ь на месте е: онъ жь Т167, 97в, сѣго кльонида 97г — 15 примеров на 1,5 листа).

Наиболее последовательно данная особенность представлена у писцов *H* и *C*. *C*: ѿве|рзо Т165, 70в, потомо же 71в, ветохаго 67г, ѿхъде|никъ 67в, службы 78в, даюте 82г, якъ 74г, живѣть 74г, о пръславнемъ ро|жестве 67б, нь требуютъ 69в; страхо Т167, 85б, ноше 91г, со | многью чѣтью 87а, чу|дѣтворца 86г, ѿконць мало 88г, тельса 89в; а также о и е на месте этимологически слабых еров в конце строки: вземо|ше Т165, 76б, страше|ни 73а, по ве|са дни 79г; оуме|роша Т167, 89г, до|ва 87г, постиво|шеса 86в. *H*: гѣмоно Т167, 49в, пришедо 65г, повѣже 64а, въ патѣю 52г, якъвъ 74в, имѣни 59в, собѣ Р. ед. 80б, а также примеры конца строки: быво|ше 62а, пото|щиса 82в, грѣше|ника 68а, ме|нихъ 69а. У этих писцов встречаются также редкие примеры написания о и е в конце строки в позиции, в которой еры обычно не употреблялись (в соответствии с правилом переноса): нарѣчь-со|твовавшую *C* Т165, 81г, томе|лениемъ 81б, сто|роганъ Т167, 88в; крѣьянѣсе|кии *H* Т167, 61а, косе|мѣ 62б.

Важно отметить следующее: у обоих писцов стандартные написания все же преобладают, соответственно, нет оснований говорить, что писцы вообще не придерживались каких-либо «правил». Более того, в графико-орфографических идиосистемах некоторых писцов (*A* и *C*) наблюдаются определенные предпочтения, связанные с традиционным употреблением ь. Так, писец *C* придерживается традиционного принципа при написании существительных с суффиксом *-ьц-*, а также прилагательных с суффиксом *-ьн-* и причастий с суффиксом *-ен-*; писец *A* предпочитает писать с ером корни слов, восходящие к сочетаниям типа **tьrt*.

4.2. В отличие от своих не вполне квалифицированных коллег, писец *B* всегда, вероятно, писал о и е там, где соответствующие звуки были в живой речи. Постановка ъ и ь на месте утраченных редуцированных подчиняется строгим правилам:

1) постановка еров (на месте этимологически слабых редуцированных) обязательна в позиции конца фонетического слова (если слово заканчивается согласным) и при последовательности из трех и более согласных, за исключением тех случаев, когда первая согласная группы — с: въспома|нути Т165, 38в, предѣста Т165, 39б, прельсти сущ. В. мн. Т165, 65б, дѣски Т167, 13г, къ бла|женому Т167, 15а, сволкъше Т165, 37в, ѿ чернѣи Т165, 51а, ѿторгѣса Т167, 15в; но при этом: сочтати Т165, 37б, вздоста Т165, 42а, в руцѣ Т165, 50а, свѣсть Т167, 1г, прелща-

ють Т167, 9а, оумвенья Т167, 13б, к галато|мь Т167, 19в, рѣх ти Т167, 8б, дал быхъ Т165, 46а, отинуд же Т167, 22г; а также: сохранить Т165, 41в, с трепетомь Т167, 3г;

2) еры пишутся между двумя одинаковыми графемами: подь дубъ Т165, 36г, памать ти Т165, 40б, съсудь Т165, 57а, въведе Т167, 1в, лекько Т167, 6а, огньны Т167, 21в; но: к галато|мь Т167 19в, безѣме|ньна Т167, 3в;

3) факультативной (но предпочтительной) является постановка еров в конце строки при переносе слов: хъ|рамину Т165, 62а, не пы|риведени Т165, 45г, исправь|лаја Т167, 17г, гъ|лагола Т167, 10в; но при этом: всажим|ѣ тцаньемь Т165, 39а, пос|ѣкаа Т165, 40в, ющ|е Т165, 63в, пом|ыслы злыми Т167, 10в, дьявол ж|е Т167, 20а.

У графемы ь следует также отметить разделительную функцию, причем такой ерь встречается не только на месте исконного сочетания [ьj], но и в предложениях / префиксах перед графемами ѡ, ѣ, н: въ ѣ|гуптѣ Т165, 64б, къ ѣвдокси|и Т165, 55б, съимь | монатью Т167, 5в, къ ѣдиному Т167, 6а.

Закономерности употребления еров не позволяют предполагать, что за ними стоят какие-либо звуки. Еры, судя по всему, не несут никакой фонетической нагрузки (кроме указания на твердость / мягкость предшествующих согласных), их постановкой писец преследовал прежде всего графические цели: а) разделить группу из трех и более графем, соответствующих согласным (особенно в этом отношении показательны примеры: кр^ствьшаго Т167, 1б, въ цркѣ Т167, 2б, въ срдѣи Т167, 2г, въ ц^сртво Т167, 16а [при ца|ра Т165, 43в, Т167, 9г], — поскольку здесь скопление согласных представлено только на письме); б) разделить графические геминаты (ср.: лекько Т167, 6а, но: к галато|мь Т167, 19в); в) обозначить конец строки в соответствии с правилом переноса.

Употребление еров основными писцами Пролога Т166 (раздел 4.3) характеризуется меньшей (в сравнении с писцом В) регулярностью. Орфография писца L не представляет строгих закономерностей: в позиции существовавших некогда слабых редуцированных употребление ь и ѣ, как правило, факультативно и не зависит от окружения (въвергоша 12а, ввержень 12б, взвѣ|сти 10а, въведе 13в). Кроме того, в суффиксальных морфемах, в префиксах и предложениях (в редких случаях, впрочем, и в корнях) писец регулярно (в большинстве случаев) пишет традиционные еры там, где они проявились: правьдны|и 26г, съ тца|ниемь 26г, възпи 26в, 26а, 27а, възрѣ 26б, ра|вьнь 25б, съ всѣ|ми 24г, съ всѣми 30а, къ князю 29а, 31г, въ тму 29в; а также: льстьми 37г, въздѣхну 26а.

Орфографическая техника употребления еров писцом К тяготеет к системе, представленной в тексте писца В. Однако в целом его орфографическая система характеризуется большей свободой (ср.: въземъши 140г, но: вземь 92в; въ критѣ 65а, но: в градѣ 68г; въ монастырь 66б, но: в дому 65а; въвреди 132в, но: вверже 119г). Еры пишутся (в соответствии с позициями слабых редуцированных) на стыках морфем (морфемным членением словоформ, вероятно, их постановка была мотивирована). Такое употребление ь и ѣ является преобладающим, однако сама постановка еров была факультативной.

В разделе 4.4 рассматриваются некоторые случаи вокализации этимологически слабых (в соответствии с правилом Гавлика) редуцированных. Ё на месте этимологически слабого [ь] регулярно пишется на конце причастных форм -i-глаго-

лов (в большинстве случаев после эпентетического *-л-*), ср. у писца *B*: поставле Т165, 52а, по|ставлеше Т165, 55в, ку|плеше Т165, 64б, дивлеса Т167, 11в; также с *е*: рожеса Т165, 42а, 52б, съ|творе Т167, 5в (но: створше Т165, 56б, преклонше гла|ву Т165, 58в, вложь|ше Т165, 45а); у писца *K*: оставле Т166, 5в, оудивлеса 50в, прославлешаго 51в, помышле 153г; также: погружешиса 118г (но: не | покорьса 174в, створь 55б, помольшиса 94г). Некоторые примеры свидетельствуют о том, что эта закономерность связана со словами определенного грамматического класса, но ее причины, надо полагать, фонетические и изначально связаны с глагольными лексемами с основой на губной и эпентетическим *-л-*, причем исходной формой с [е] является не форма типа *оставле*, а формы типа *оставлеше*. Причина вокализации редуцированного в данном случае — вероятно, сочетание с плавным в межконсонантной позиции (так же как *сльза*, *тръвога*).

Последовательно наблюдается вокализация ера предлогов / префиксов перед начальным гласным корня. В тексте писца *B*: перед [и] (независимо от его происхождения) — во има Т165, 41а, ко иану Т167, 3а; перед [о] — 4 случая опущения ера (в одной рацѣ. Т165, 36б, воина оруже|на Т165, 47г, в осподень градъ Т167, 23в, с огнемъ Т165, 60в), в остальных случаях последовательно представлено о (во ѿсобнѣмь мѣстѣ Т165, 49в, соодень Т167, 16в); перед [у] употребление предлогов с вокализовавшимся редуцированным факультативно (ко оустъ | пещеры Т165, 37г; но: въ оуста Т165, 36г); перед [а] также доминируют написания с о (ко архелѣ Т165, 51б, во англѣ свѣ|тель Т167, 10в; но: съ англѣ Т165, 38а, к архелу Т165, 51а).

В тексте писца *K*: перед начальным [и] в предлогах последовательно пишется о (во има Т166, 105в, во истину 89в, ко игумену 94г, во инѣ монастырь 159б; но: въ инд|ю 162г); перед корнями на [о] появление предлогов / префиксов с вокализовавшимся редуцированным менее последовательно (соодѣнь бы^с 81а, во | обители 100в; но: въоружатиса 57в, съ оцѣмь 60в); перед словами на [а]: со англѣ 80в, во афины 107г, во анкурѣ 103в; но: въ а|дѣ 54а, въ | антиохию 137г, въ англ^скою до|сто|яние 83г); перед словами на [у] о в предлогах преобладает (со оучѣнки 79б, ко оутве|ржени||ю 91–92, во оустѣ|хъ юа 113б; но: въ оустѣхъ своихъ 95г, въ оутрѣ 54г, въ оухо 52в).

Закономерности появления о в предлогах и префиксах у основных переписчиков Прологов Т165, Т167 и Т166 различны: у писца *B* предлоги и префиксы с вокализовавшимся ером абсолютно доминируют перед словоформами / корнями на [и] и [о], перед другими неприкрытыми гласными представлена вариативность, у писца *K* о в предлогах регулярно появляется перед словами на [и] и [у].

Специально эту проблему исследовал Л. Л. Васильев [1908], полагавший, что развитие [о] из [ъ] в предлогах и префиксах вызвано тенденцией начальных гласных становиться неслоговыми (это прежде всего касается [у] и [о]), т. е. условия вокализации здесь аналогичны условиям правила Гавлика, когда редуцированный оказывался в сильной позиции перед слогом с другим, слабым, редуцированным. Как утверждала О. В. Малкова [1981: 101], «гипотеза Л. Л. Васильева в дальнейшем признания не получила». А. А. Зализняк [1993: 257–263] выделил три фонетических рефлекса на стыке предлогов / префиксов с [ъ] и корня на [о]: $\bar{y}+o \rightarrow oo$, $\bar{y}+o \rightarrow a$, $\bar{y}+o \rightarrow o$. Последний эффект кажется наиболее понятным: он как

будто отражает утрату слабого редуцированного. Однако, на наш взгляд, примеры утраты [ъ] обусловлены новой системой функционирования безъерových предлогов / префиксов, в противовес собственно фонетическому развитию $\bar{y}+o \rightarrow a$, аналогичному хорошо известному переходу $\bar{y}+u \rightarrow y$. Такое звуковое развитие спровоцировано, вероятно, средним рядом образования [ъ]. Рефлекс $\bar{y}+o \rightarrow oo$, как мы полагаем, следует связывать с книжной традицией или особыми темпом и манерой речи. Употребление предлогов с [o] на месте исконного [ъ] позволяло избежать рефлексов ($\bar{y}+o \rightarrow a$), свойственных обычной речи и искажающих облик корня. То же объяснение должно работать и в отношении предлогов / префиксов с [o] перед начальным [и], а также перед начальным [а], поскольку существование фонетического эффекта $\bar{y}+o \rightarrow a$ могло провоцировать неразличение рефлексов сочетаний $\bar{y}+o$ и $\bar{y}+a$.

Другая представленная в текстах писцов *B* и *K* закономерность появления *o* на месте этимологически слабого [ъ] явно отражает книжную традицию, так как охватывает преимущественно книжные лексемы. Среди них — некоторые слова с неполногласием (во времена *B* T165, 38а, ко вратомь *B* T167, 14г; ко врато|мь *K* T166, 92г, совлекохъ *K* T166, 150б, во вла|сть *K* T166, 97в, согра|ди *K* T166, 63а, во время *K* T166, 93б), слова с префиксом *въз-* (возра|тиса *B* T165, 43а, возне|семса *B* T167, 4а; возвъ|сти *K* T166, 100а, возвратиса *K* T166, 110в, возлюби *K* T166, 100г, возложивъи *K* T166, 118а) и некоторые другие примеры, не соответствующие двум первым категориям, но также являющиеся книжными (во х^са *B* T165, 41а, ко хъви *B* T165, 54г, согръ|шихъ *B* T167, 2в, ко гробу *B* T167, 14г; согръ|ши *K* T166, 107а, во х^са *K* T166, 61г, водвориса *K* T166, 150а, со | гвоздьемъ *K* T166, 97а). Как правило, причиной появления [o] на месте [ъ] в данном случае называют церковную орфоэпическую традицию [Шахматов 2002: 255; Успенский 1997: 166; Зализняк 1989: 121], однако этого объяснения по меньшей мере недостаточно, так как отмеченная нами закономерность охватывает слова, так или иначе связанные с определенным акцентным классом — подвижной акцентной парадигмой.

Появление [o] на месте этимологически слабого [ъ] в предлогах и префиксах обусловлено, на наш взгляд, акцентным обособлением отдельных книжных словоформ, допускавших энклиноменную акцентовку на проклитике (что было невозможно при неслоговом предлоге / префиксе). Изначально связанные с энклиноменными словоформами предлоги и префиксы с [o] (*ко, со, во, воз-*) распространились и на другие словоформы, а также на слова одного словообразовательного гнезда, т. е. стали закономерно появляться перед маркированным книжным корнем.

У обоих писцов имеются отклонения от данной системы, однако они немногочисленны и все связаны с употреблением префикса *воз-*. Некоторые из них объясняются аналогией и определенными словообразовательными отношениями с глаголами а. п. с (к примеру, (*въз*)*носити* принадлежал к а. п. *b*, а (*въз*)*нести* — к а. п. *c*). Стоит отметить тот факт, что у писца *B* отклонения единичны (фактически один пример — *возрадоваса* T167, 16в), тогда как у писца *K* таких исключений больше (*возрадова|са* T166, 81а, во|сходить 80а, воспитанъ 100в, воставъ 125б, во|здвигъ 98г, во|злѣзы на паоучину 80б, возможе 103г, возненавидень 102г). Однако столь значительное число примеров, нарушающих закономерность (появления [o] в предлогах / префиксах прежде всего перед корнями с минусовой акцентной маркировкой), последовательно представленную в идиосистеме писца *B*, на

наш взгляд, не дает основания в ней усомниться, прежде всего потому, что случаи отклонений, обнаруженные у писца *K*, представляют собой формы от лексем с префиксом *воз-*, кроме того, и здесь (в тексте писца *K*) примеры, демонстрирующие вокализацию редуцированного предлогов и префиксов перед корнями с минусовой акцентной маркировкой, заметно преобладают. Мы полагаем, что этот факт должен объясняться бóльшей «прогрессивностью» системы писца *K* — она оказывается значительно ближе к нормам, утвердившимся в эпоху второго южнославянского влияния [Issatschenko 1979].

Рассматривая употребление еров писцом *B*, следует коснуться и проблемы постановки неэтимологических еров (раздел 4.5), которая предполагает два аспекта: 1) написание *ъ* и *ь* в тех позициях, где соответствующих звуков в раннедревнерусский период не было, — большинство примеров связано с концом строки; 2) написание *ь* на месте исконного [ъ] и наоборот. Закономерности выбора неэтимологических графем в первом случае и нарушение традиционного принципа во втором отражают фонетическую зависимость предшествующего согласного от следующего в группе и служат прекрасным иллюстративным материалом к вопросу о регрессивном ассимилятивном смягчении согласных (ср. *сь|ватъхъ* T165, 39б, *хь|рамину* T165, 62а).

Регрессивная ассимиляция по мягкости в говоре писца *B* была представлена значительно шире, чем в современном русском литературном языке: зубные смягчаются перед мягкими зубными (*пось|тиса* T165, 63г, *ань|тиѡхия* T165, 60б–в, *сь | нѣкоюю* T165, 49б, *оувазы|нетъ* T167, 16г), переднебным [р'] (*пять|риарха* T165, 43в, *разь|рѣшаютъ оузы* T165, 54а, *изь|ре^чньны* T167, 11б.), мягкими губными (*оусь|пѣюши* T165, 50а, *сь|ватына* T165, 50в, *сь пре|лщенъимъ* T167, 11г [с'п'р']), мягкими заднебными (*перьсь|киа* T165, 38а, *идольсь|киа* 56в; ср.: *александрьсь|каго* T165, 53б). Можно также говорить о том, что перед мягкими зубными смягчаются губные (*вь|ниде* T165, 37а, *бь|людетъ* T167, 19в, *пь|лѣньники* T167, 21а) и заднебные (*къ | требищу* T165, 60в [к'т'р'], *хь|лѣба* T167, 1г, *ѡкъ|леветана* 16а); губные также смягчаются перед мягким [р'] (*пь|репразньство* T165, 65в, *вь|рема* T165, 66г).

Глава V. Некоторые фонетические особенности Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166. Кодексы T165, T167 считаются псковскими. Связь рукописей со Псковом подтверждается установленным нами фактом реставрации Прологов дяконом церкви Архангела Михаила Даниилом. Тем не менее версия псковского происхождения данных рукописных книг требует тщательной проверки, поскольку большинство дошедших (и точно локализованных) псковских рукописей характеризуется куда более яркими орфографическими особенностями [Соболевский 1884/2004; Каринский 1909; Кандаурова 1957; Горская 2002; Шевчук 2002; 2003].

В тексте наиболее квалифицированного писца (*B*) нет свидетельств утраты <ѣ> в каких-либо фонетических позициях. Употребление соответствующей графемы стандартно для древнерусских текстов, а отклонения от этимологических написаний типичны для церковнославянского языка древнерусского извода.

Яркой (маркированной) диалектной особенностью является единственный у писца *B* пример употребления *а* на месте *о* в безударной позиции: *приде о|цѣ юго*

апать Т167, 21в; следует также отметить один случай с н на месте є в заударной позиции: имѣ|ить приставника 3 л. ед. ч. наст. вр. Т165, 47б.

В тексте этого писца встречаются примеры утраты [в] между гласными перед [у], известные только в северо-восточных памятниках: жиоущии Т167, 4в, зооущи Т167, 13в–г, зооущихъ Т167, 13г, жиоуще Т167, 20а.

Необходимо обратить внимание еще на одну особенность орфографии писца В: фонетический переход [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи] последовательно реализован на письме, традиционные написания практически отсутствуют (один пример: ѿко|мь кроткымь Т165, 54б). Как известно, в говорах псковско-новгородской земли это фонетическое изменение происходило позднее, чем в других восточнославянских говорах, начиная с XIV в. [Соболевский 1907/2004: 130; Шахматов 2002: 311; Дурново 2000: 162; Зализняк 2004: 90–91]. При этом непосредственно в псковском диалекте этот переход осуществился только в начале XV в. [Кандаурова 1957: 271–272]. Однако в говоре наиболее квалифицированного переписчика Прологов это фонетическое изменение не только полностью осуществилось, но и определило орфографическую норму.

Орфография других переписчиков Прологов в целом не меняет картины. Употребление ъ другими писцами соответствует узусу писца В (за исключением мартовских чтений, где представлено смешение є и ъ, восходящее к антиграфу).

В тексте Прологов присутствуют примеры написания н на месте є в безударном положении: в предударной позиции — и|стьщина Н Т167, 79г, придь личе А Т167, 95в; в заударной — положи|нь бы^с на ложи Е Т167, 36в (этот пример, впрочем, может быть результатом графического предвосхищения слога *-жи*), мучинь|я Н Т167, 67а. Аналогичные примеры, традиционно интерпретируемые как свидетельство неразличения <и> и <е> в безударном положении, известны как в псковских памятниках [Каринский 1909: 156–163], так и в северо-восточных [Щепкин 1889: XV, XVII, XX; Кузнецов 1946: 145; Князевская 1957: 163–164].

В трех случаях (помимо отмеченного выше примера) в тексте Прологов на месте о в безударном положении написано ѡ: ѿ лима|ниса Н Т167, 79г, воєводаю С Т165, 77г, таго ра^л А Т167, 56г. Вероятно, в написании: ѿ алѣя моего насыти|теса Н Т167, 84а (=о^лѣя←ю^лѣя) — тоже отражено аканье, однако текст в Т167 искажен; в других списках Пролога в этом месте мы находим: ѿ обилья моего ПрСоф, 312в, то же ПрЮр, 291б, что соответствует словам *отъ жить моихъ* в Пандектах Антиоха [Роровски 1989: 187], к которым восходит Слово о звании Божии. Несмотря на немногочисленность, эти примеры, вероятно, обусловлены системой безударного вокализма говоров писцов, однако сами по себе они не позволяют связывать рукописи со Псковом.

Особо следует рассмотреть вопрос о цоканье. В орфографии наиболее квалифицированного писца нет свидетельств того, что он является носителем говора с неразличением аффрикат. По крайней мере нам трудно предположить, что, переписав 54 листа в Прологах, цокающий книжник ни разу в употреблении ц и ч не допустил бы отклонения от стандартной орфографии. Примеры смешения соответствующих графем встретились у трех писцов: А, Н, I. Наибольшее число таких примеров представлено в тексте писца А. В Т165, однако, имеется только один

пример написания *ц* на месте *ч*, который нельзя признать вполне надежным: ѿлѣцьца Т165, 27г. В мартовских чтениях Т167 примеров смешения значительно больше (19). Непропорциональность в распределении примеров смешения вынуждает нас предположить, что написания с *ч* на месте *ц* в мартовских чтениях Т167 обусловлены влиянием антиграфа (вместе с неупорядоченным употреблением графемы *ѣ* эта особенность орфографии указывает на северо-западное происхождение оригинала), а некоторые примеры переосмысления грамматических форм: оусрамивъ | же старчъ чѣтна му|жа 103а, рѣ же старчъ к нему 107а (при эффекте *ь=є*), старче же глѣше не хоцю 103б (формы Зв. вместо И. ед.), а также: и да челооу|мудримъса 96б (=оуцѣломудримъса) — говорят скорее в пользу того, что различие аффрикат как раз не свойственно говору писца. Оставшиеся примеры смешения *ц* и *ч* немногочисленны, и большинство из них трудно считать надежными: бѣль|чю I Т167, 97г (чтения на март), а также: и рець старецъ H Т167, 63а, ста|речь Т167, 78а, по словеси старцю (=старчю) H Т167, 78а, и глѣ оѣ | мои рекль H Т167, 78а. Сложно предположить, что писец (H) невысокой квалификации, смещивавший на письме *о*, *є*, *с* *ъ*, *ь*, будучи носителем цокающего диалекта и переписывая довольно значительный фрагмент текста (37 листов), допустил такое незначительное количество ошибок.

В тексте писца I имеются свидетельства отвердения шипящих: жы|тель Т167, 98в–г, держымъ Т167, 98в, поло|жыти Т167, 98б. Н. М. Каринский [1909: 29, 54, 70, 83, 116, 124 и т. д.] отмечал написания *ъ*, *ы* в позиции после шипящих и *ц*, начиная с середины XV в. При этом очевидно, что наиболее яркая особенность консонантизма говоров Псковской земли (отсутствие оппозиции шипящих и мягких свистящих) не позволяет видеть в появлении твердых шипящих результат внутреннего развития системы согласных фонем. Отмеченные Каринским примеры обусловлены, судя по всему, инодиалектным влиянием или распространением общевеликорусского койне в связи с формированием языка русской народности. Так или иначе в нашем случае факт отвердения шипящих в говоре писца I противоречит идее псковского происхождения Прологов.

Следует отметить также написания, которые Л. Л. Васильев [1908: 217–223] квалифицировал как удвоение предлога *въ* (*въвъ* или *вв*): въвъ умысль С Т165, 67г, 68г, вв олтарь E Т167, 92г, въвъ огонь B Т165, 57а, Т167, 17а (такие примеры встретились у большинства писцов). Васильев настаивал на широком распространении данного явления, однако, как явствует из материалов его исследования, именно в таком виде удвоение предлога *въ* представлено в памятниках северо-восточных (в западных памятниках пишется *оув*).

Типичный для Пскова пример смешения на письме букв, соответствующих шипящим и свистящим, только один: избиса ѱему голе|ни на дробно H Т167, 69в. На наш взгляд, для того, чтобы признать кодексы Т165, Т167 псковскими, этого явно недостаточно. Более того, некоторые особенности говора писца B, отразившиеся в его орфографии (свидетельства мягкости [р'], переход [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи]), несовместимы со Псковом. Говору писца A, надо полагать, свойственно различие аффрикат, а примеры типа *жиоуци* (снова писец B) известны только в ростово-суздальских памятниках.

Прологи Т165 и Т167 ближе всего к памятникам северо-восточным великорусским, созданным на территории распространения диалектов, испытавших влияние акающих говоров. По крайней мере, некоторые особенности, выделенные нами, типичны именно для текстов, созданных на территории ростово-суздальских говоров, и отсутствие каких-либо ярких диалектных черт характеризует памятники именно этого региона.

Орфография Пролога Т166 полностью соответствует выводам о региональной принадлежности Т165 и Т167. Текст Пролога лишен ярких региональных особенностей. Употребление ятя стандартно для древнерусских книжных текстов, т. е. не представлено в словоформах, имеющих прямое соответствие в живых восточнославянских говорах.

В тексте писца *К* встретились примеры, свидетельствующие об иканье: *жиланье* 108б, *оуслы|шинь бы^с* 133г.

Один раз появляется протетический [в] в позиции перед [ô] : *вострыхы [так!] чрепъ* 134а. Случаи удвоения предлога *въ* — *във (вв)* — редки: *вв огонь вѣчныи* 81в, *вв огонь вве|рженъ бы^с* 99а; единожды такой предлог появился перед согласным: *влѣ|зе самъ във мѣ|дь* 136г.

У писца *К* многочисленны примеры написания *ь* после шипящих: *матежь* 144в, *иажь | и пии* 144а, *му|жьскую крепость* 108б, *пожьго|ша* 102в; *вашь* 143в, *оѣь нашъ* 5в; *вещь* 90г, *за ·к̣· поприщъ* 96в; а также: *дождь* 3в. Аналогичная система, судя по всему, была представлена во втором антиграфе Прологов Т165, Т167. В Прологе Т166 *ы* пишется (у писцов *К* и *Л*) только после *ж*: *вельможы сѣнь* *К* 175а, *мужы* *В. мн.* 88в, *въздержы* 84б, *держыми* 60б, *лжы* 66б, *ожыдаеть* 71а, *мужы|и* 75б, *на | ложы* 91б; *жы|воту* *Л* 33б, *послужыла | ти быхъ* 33б, *идольслужытель* 28г, *в жы|знь* 34а. Располагая данным материалом, можно определенно говорить о том, что в говоре писцов *Л* и *К* отвердел шипящий [ж]. Что же касается многочисленных случаев написания *ь* после шипящих (в том числе после *щ*, а также в слове *дождь*, где написанию *жд*, вероятно, соответствовала двухфокусная аффриката [ж'д'ж']), то здесь возникают некоторые сложности интерпретации. Возможные фонетические объяснения: 1) на раннем этапе отвердение шипящих затронуло только отдельные позиции (не перед [и]) и в позиции перед [и] успел отвердеть только [ж]; 2) отвердение [ж] спровоцировало орфографическое варьирование *ь/ѣ* после соответствующей графемы, которое в свою очередь распространилось и на позиции после других шипящих.

Глава VI. Морфологические особенности Прологов Тип. 165, Тип. 167 и Тип. 166. Целью морфологического описания Прологов является установление книжного грамматического узуса, отраженного в Прологах, а точнее, его подвижность, представленная в тексте вариативность морфологических форм и флексий, позволяющая делать выводы: 1) об особенностях говора писца (писцов), 2) об исторической динамике книжной нормы.

Утрата двойственного числа в тексте Прологов отражена непоследовательно, устойчивая регулярность в употреблении числовых форм, вероятно, восходит к раннедревнерусским протографам. Отметим здесь лишь регулярные отклонения от стандартной системы дуалиса: *-и* на месте ожидаемой флексии *-ѣ* появляется у существительных *рука* и *нога* [Историческая грамматика др.-рус. яз., II: 122]:

свазаша юму | руци Т165, 44б; и простроша | руци юго и възложи|ша руцѣ юго на ѿгнь | с ливаномъ Т165, 60в; принесе има воду | мыти има нози Т165, 62а.

Многочисленны примеры, демонстрирующие взаимодействие **о*- и **и*-склонений (процесс, начало которого относится еще к праславянскому периоду), что выражается в распространении флексий **о*-склонения на **и*-основы и в употреблении флексий **и*-склонения у **о*-основ. Однако, судя по всему, окончание Д. ед. *-ови* (*-еви*) для писцов является уже лишь элементом книжного узуса. Написания: противиса | ц^срвѣ Т165, 38б, манюевѣ и | женѣ юго Т165, 48а, го|сподевѣ оугодити Т167, 6а — говорят скорее о том, что в живых говорах эта флексия уже не употреблялась.

К числу морфологических инноваций в именном склонении относится прежде всего обобщение флексий твердой разновидности склонения.

М. р.: М. ед. — в мона|стырѣ В Т167, 5б, о черноризыцѣ К Т166, 6а; В. мн. — избра му|жи В Т167, 18в, оу|чаху кони К Т166 92а; М. мн. — о ц^срѣхъ и о патриа|рсѣхъ В Т167, 7б; по трехъ м(с)цѣхъ Л Т166, 10г;

ж. р.: Р. ед. — ильи пу|стыньника В Т167, 7в, ис те|мници К Т166, 57б; Д. ед. — к невѣжѣ В Т165, 36г, да помоли|тса сѣи мчѣицѣ Л Т166, 20г; М. ед. — въ единой кѣ|льѣ В Т165, 38а, въ велицѣ пусты|нѣ К Т166, 148а, вдовицѣ сѣа | вдасть К Т166, 104в; И. мн. — рикающе | яко свиньи Л Т166, 45в, ра|быни ткуть а другиа | прадуть К Т166, 141а; В. мн. — наполниша ко|шници В Т167, 15б, пасаше | ѿвци Л Т166, 31г, постиса ·҃҃· не|дѣли К Т166, 90в;

ср. р.: М. ед. — въ срѣцѣ сво|юемъ В Т165, 63а, на страшнѣмъ су|дищѣ х^свѣ В Т167, 2б.

При этом исконная древнерусская флексия Р. ед. **а*-склонения представлена незначительным числом примеров: зоѣ Л Т166, 27а, сѣяа | мчѣици лукиѣ Л Т166, 20г, праведныа жены са|ндулѣ В Т165, 39в; флексия В. мн. (**а*- и **о*-скл.) *-ѣ* встретила только у писца Л (орфография которого характеризуется наибольшей архаичностью): пасуща ѿвцѣ Т166, 31г, пасаше ѿвцѣ 19а, всыпа въ житни|цѣ 19г; в И. мн. — не встретила совсем.

Обобщение форм В. и И. мн. представлено лишь несколькими примерами: дивии юму звѣри бра|шно приносиша В Т167, 9б; бѣ именью юму | стада и волове и о|вци и вельблуды и | прочею К Т166, 106г.

Об устранении чередования задненебных и свистящих в парадигме именного склонения свидетельствует пример писца К: слово о ра|збоиникѣ Т166, 129г. Косвенным свидетельством этого процесса является, вероятно, также пример: о прелще|нѣмъ отроци Т166, 52г, — так как других случаев фонетического перехода [ѣ] в [и] в тексте писца К нет (т. е. это образование является гиперкорректным: писец знал, что форма требует замены задненебного свистящим, но в его родном диалекте прямого соответствия, позволяющего безошибочно употребить нужную книжную словоформу, уже не было).

Представляет интерес особая флексия Р. мн. существительных ср. р. на *-ие* (*-je*): писец В — желаньи пѣ|лотьскихъ не творите Т165, 62в, наочивъ | ѿ сѣихъ книгъ и пи|саньи Т165, 61г, ѿ согрѣше|ньи нашихъ Т167, 2в, виденьи съ|трашнихъ Т167, 15г, ѿ свои|хъ согрѣшеньи Т167, 23а; писец К — не оузри|ши видѣньи страшны|хъ Т166, 80б. Особая флексия Р. мн. в древнерусских памятниках отмечалась А. И. Соболевским [1905/2006: 245–246] и Н. М. Каринским [1896: 190]. В

рассматриваемых Прологах помимо окончания Р. мн. *-и* можно отметить флексию *-ѣи (-ји)* у слова *людиѣ* (ѣ любви лю|дьи своихъ *K* T166, 102г), а также у числительного *триѣ* (стра^с сты^х триѣ ѿтро^к 24г). Фактически флексии Р. мн. у слов ср. р., с одной стороны, и *людѣ* и *триѣ*, с другой, разные, однако во всех случаях мы видим аномальную судьбу редуцированных в последовательности **-bjь* в конце словоформы. Все эти слова объединяет внешний облик исходной словоформы (на *-иѣ* — *-је* после падения редуцированных). Это дает основания предполагать, что причиной появления таких нестандартных флексий может быть явление морфологической аналогии, в нашем случае — распространение основы исходной словоформы на Р. мн.

Система адъективного склонения в Прологах T165, T167 и T166 стандартна для церковнославянского языка позднерусского периода и характеризуется преобладанием в Р. ед. флексий *-аго*, *-ѣа*, в Д. ед. *-ому*, *-ѣи*, в М. ед. *-ѣмь*, *-ѣи*. Отклонения от данной системы связаны с распространением местоименных флексий: Р. ед. — ѣ скуфьского | града *B* T165, 56а, ѣ погань|ского княза *K* T166, 99в; не оувѣща сѣѣ *L* T166, 44г; Д. ед. — научена же бывше | врачевной хитрости *B* T165, 36а, освитаючи сѣи не|дѣли *K* T166, 72в; М. ед. — ѿ сѣомь иѣ|анѣ. златоуостомь *B* T165, 42в, при | федосьи вели|комь *K* T166, 71б, ни прилежати стра|дѣ манастирьской *L* T166, 16а.

Уникальной является контаминированная форма: *меншѣ|ишую* *A* T165, 24в, — в которой представлено одновременно два суффикса сравн. ст. — **-jьs-* и **-ějьs-*. В работе [Историческая грамматика др.-рус. яз., III: 380] аналогичные образования зафиксированы от основы *бол-*. Появление этих форм, очевидно, обусловлено тем, что супплетивные формы компаратива осмысливались писцами как положительная степень.

В системе местоимений заслуживает внимания то, каким образом представлена форма И.–В. ед. м. р. указательных местоимений *тѣ* и *сѣ*, а также соотношение местоименных основ *тоб-/соб-* и *теб-/себ-*.

Помимо широко употребляющихся в тексте основных писцов форм И. ед. м. р. *тѣ/то* в тексте Прологов встречаются также варианты *тотѣ*: бѣа|ше тотѣ *B* T165, 40а, тотѣ да ли|тургисаеть *B* T167, 9б–в, тотѣ да литу|ргисаеть *K* T166, 72в — и *тои* (только у писца *K*): тои же прорекъ | о солومانѣ T166, 74а, Тои бѣ ѣ потиѣнѣ T166, 181в. Как альтернатива форме *се* в Прологах встречается только вариант *сии (сеи)*: сии же | слезами глѣше *B* T165, 44г, Сии прп^лбньи ѿцѣ на|шь *L* T166, 43г, Сеи бѣ ѣ ююпта *K* T166, 71г.

В узусе писца *B* в субпарадигме ед. ч. обобщение получили основы *тоб-*, *соб-*. Они не только доминируют в Д. и М. ед., но распространились и на формы Р. ед. (В.=Р.): оу тебе T167, 13б, тебе ради T167, 21в, ждуть | тебе T165, 44а, ѣчаемь себе T167, 18г. У других же книжников (*K* и *L*) закономерности иные: в Р. ед. (В.=Р.) преобладают основы с гласным *e* (у писца *L* формы *тобе*, *собе* не встретились, у писца *K* преобладают формы с основой *теб-*, *себ-*, но также встречаются примеры с *o* в корне: ищущѣ тебе 108а, блюдемь себе 111в), в Д. и М. ед. преобладают формы *тебѣ*, но *собѣ*. В условиях, когда одно и то же явление может соответствовать исконной грамматической норме и отражать некоторые тенденции в развитии восточнославянских диалектов, дать однозначную интерпретацию данному явлению сложно. Не исключено, что в рамках одного диалектного объе-

динения сосуществовали говоры, обобщавшие рассматриваемые местоименные основы как по Р. ед., так и по Д. и М. ед. Заслуживают внимания следующие факты: 1) Р. ед. *тобе, собе* абсолютно доминирует у писца *B*, а именно у этого книжника в орфографической системе присутствуют несомненные диалектизмы и сама орфография во многом опирается на живое произношение (в то время как орфография писца *L* наиболее архаична); 2) такие формы Р. ед. встречаются также у писца *K*; 3) в М. ед. у всех писцов преобладают основы *тоб-, соб-*.

Представляет интерес единственный пример, демонстрирующий развитие местоименной флексии Р. ед. *-ого (-его) → -ово (-ево)*: *спсѣѣа наше|во B T167, 2б* [Соболевский 1907/2004: 126; Толкачев 1960; Хабургаев 1990: 203–207].

В тексте писца *B* встречается такая диалектная особенность, как отсутствие *-ть* в формах глаголов 3 ед. наст. вр: *ѣже ѣъ пода|е всѣмь T165, 66г, вѣдае бо оѣъ вашь T165, 63а, почитае| книги T165, 59а, бы|вае бѣсомь радость T167, 15г, нарицаеѣ T165, 48г, стварае|са нынѣ T165, 55б*. Это явление хорошо известно как в древнерусских, так и в старославянских памятниках. Важно отметить то обстоятельство, что *-ть* в 3 ед. может отсутствовать и при наличии энклитик (если написание *стварае|са* могло возникнуть в результате ошибки, когда писец, переходя со строки на строку, просто недописал флексию, то пример *нарицаеѣ* является вполне надежным).

Кроме того, в Прологах представлено смешение форм 1 мн. пов. накл. и наст. вр. (да *внемлѣмь собѣ. и | всѣмь храненьемь | блюдемь свою срдѣе | и не приемлемь* и *T167, 12б, тѣмже мо|лю вы не до конца пре|будемь въ томь злѣ. | но въспранемь K T166, 68а*) и инновационные формы 2 мн. пов. на *-ите* (всегда *| готови будите B T167, 3а, не изнесите вы K T166, 3г*), появление которых рассматривается как реализация развития агглютинативного принципа [Белоусов 1982: 145–146] либо как обобщение форм мягких основ [Зализняк 2004: 153].

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Специальный анализ орфографических и фонетических особенностей Прологов *T165* и *T167* не подтвердил предположения о псковском происхождении этих рукописных книг. Наиболее яркой фонетической особенностью говором писцов была редукция безударных гласных, при этом, несмотря на наличие в тексте примеров смешения *ц* и *ч*, нет оснований полагать, что кто-либо из книжников был носителем говора с неразличением аффрикат.

Пролог *T166*, весьма вероятно, был создан в том же скриптории, однако другим коллективом писцов. При этом принцип взаимодействия книжников принципиально иной. Если переписчики *T165* и *T167* работали коллективно для того, чтобы по крайней мере отчасти ускорить процесс написания книг (большинство из них имели дело со значительными фрагментами текста), то в *T166* распределение работ иное. Писец *K* являлся основным переписчиком чтений на январь и февраль, *L* — на декабрь, в то время как другие книжники, работавшие над этими чтениями, переписывали небольшие по объему фрагменты, периодически сменяя основных писцов. Распределение почерков дает основания предполагать, что большинство были учениками (подмастерьями), выполнявшими каллиграфические уроки. Анализ морфологических особенностей текста рукописных книг вполне согласуется с нашими выводами о месте их создания. Системы основных писцов не содержат маркированных диалектных явлений, свойственных западным говорам, а пред-

ставленные морфологические инновации отражают тенденции, определившие специфику языка великорусской народности (основу которого составляли как раз говоры северо-востока).

Решение проблемы локализации памятников позволяет нам снова коснуться вопроса о времени их создания. Так как графико-орфографические инновации, связанные со вторым южнославянским влиянием, раньше всего появляются именно в книжных центрах ростово-суздальских земель (в конце XIV в.), датировка кодексов именно второй половиной (не концом) XIV в. кажется наиболее вероятной.

В целом судьба исследованных пергаменных кодексов представляется нам следующим образом. Прологи Т165, Т167, а также Т166 были созданы на территории северо-восточной Руси (возможно, в Московской земле) во второй половине XIV в. В 20–30-е гг. XV в. рукописи Т165 и Т167 реставрировались уже во Пскове. Соответственно, на московский Печатный двор кодексы поступили, скорее всего, из Пскова. Время, когда Пролог Т166 поступил во Псков, определенно установить невозможно, однако весьма вероятно, что созданные в одной скриптории книги также одновременно попадали во Псков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Бытовые графические системы в книжном письме (на материале Прологов Типографского собрания конца XIV в.) // XXV Пушкинские чтения. А. С. Пушкин и Россия: Язык — Литература — Культура — Методика. Секция 1. Современная русистика: проблемы и перспективы. М., 2006. С. 65–74.

2. Из истории псковской письменности накануне второго южнославянского влияния: дьякон Даниил // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф. «Кирилло-Мефодиевские чтения», 15–18 мая 2006 г. М., 2006. С. 339–349.

3. К проблеме изучения деятельности древнерусских скрипториев: Прологи Типографского собрания № 165 и № 167 // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф. «Кирилло-Мефодиевские чтения», 15–18 мая 2007 г. М., 2007. С. 46–55.

4. Пролог Типографского собрания № 166 (палеографические и текстологические наблюдения) // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф. «Кирилло-Мефодиевские чтения», 15–18 мая 2007 г. М., 2007. С. 56–68.

5. Орфографическая техника употребления еров во второй половине XIV в. (на материале Прологов Типографского собрания РГАДА № 165, 167) // Вестник СПбГУ. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2010. Вып. 4. С. 149–155.

6. Палеографические, орфографические и фонетические особенности древнерусских Прологов Типографского собрания РГАДА № 165 и № 167 // Die Welt der Slaven. 2011. LVI. H. 1. С. 65–86.

7. К исторической фонетике древнерусского языка: ассимилятивное смягчение согласных в некоторых рукописях XIV в. // Вестник СПбГУ. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2011. Вып. 2 (в печ.).